Роберт Сильверберг

Вниз в палеозой

1

Барретт был некоронованным королем станции Хоксбилл. Он находился там дольше всех, он был тем, кто пострадал больше всего, и у него были большие внутренние энергетические ресурсы.

До инцидента он мог доминировать над кем угодно в этом месте. Теперь он был калекой, но все еще сохранял тот ореол власти, который позволял ему командовать. Когда на станции возникали проблемы, их всегда подвергали Барретту. Аксиоматический. Он был королем.

Он управлял одним царством: весь мир, от полюса до полюса, от меридиана до меридиана, чего бы это ни стоило. И это не стоило многого.

Снова шел дождь. Барретт поднялся на ноги такими быстрыми и ловкими движениями, которые стоили ему мучительной и тайной боли, и потащился к двери своей хижины. Дождь заставлял его нервничать. Постукивания крупных капель по тонкой волнистой крыше было достаточно, чтобы свести с ума даже Джима Барретта. Он распахнул дверь. И, стоя на пороге, Баррет наблюдал за своим царством.

Голые скалы, почти до самого горизонта. Пустынный простор скал, раскинувшийся во все стороны. Дождь бил по камням и подпрыгивал высоко. Растений не было. Ни травы. За хижиной Раскинулось море, серое и необъятное. Небо тоже было серым, даже когда было безоблачно.

Он вышел, хромая под дождем. Обращаться с костылем ему теперь стало очень просто. Он двинулся вперед почти бегло,оставив в воздухе изуродованную левую ногу. Годом ранее, во время путешествия к берегам внутреннего моря, его охватил оползень. На родине они подвергли бы Барретта операции, и никаких последствий не было бы. Новое бедро, новый подъем, и новые связки и сухожилия. Но родине было два миллиарда лет. И это была Родина, которую он не мог вернуть.

Дождь обрушился на него яростно. Барретт был крепкий, почти двухметрового роста, с потемневшими темными глазами, выпяченным носом и подбородком, который был королем всех умов. В молодости, в старые неспокойные дни, когда он

размахивал флагами и прикреплял плакаты, он весил более девяноста фунтов. Однако теперь, когда ему было за шестьдесят, он начал слегка сгибаться, и кожа сморщилась в тех местах, где когда-то были хорошо напряженные мышцы. На станции Hawsksbill было трудно сохранить свой вес. Еда была питательной, но слишком мало разнообразной. Человек страдает от недостатка плоти. Есть вареное брахиопод и фарш трилобитов было совсем не одно и то же. Однако Барретт перестал жаловаться. Это была еще одна причина, по которой мужчины считали его боссом. Он не делал морды. И не ворчал. Он смирился со своей судьбой и терпел вечное изгнание. Таким образом, он мог помочь другим преодолеть трудный переходный период.

Фигура быстро продвигалась под дождем. Это Был Нортон. Теоретик с троцкистскими наклонностями. Возбудимый человечек, взявший на себя обязанности гонца так часто, как на станции появлялись новости. Он направился к хижине Барретта, спотыкаясь и скользя по камням.

Барретт поднял большую руку.

“Привет, Чарли. Иди медленно, иначе ты сломаешь шею.»

Нортон остановился перед хижиной. Дождь месил на его голове истонченные пряди каштановых волос. Глаза у него были неподвижные, блестящие глаза фанатика, но, возможно, это был просто эффект астигматизма. Он задыхался, чтобы отдышаться, и вошел в хижину, покачиваясь, как мокрая кукла, он, очевидно, пробежал весь путь от главного здания вокзала, метрах в трехстах дальше. Длинный путь по скользкой скале.

“Почему ты ходишь под дождем?”- спросил Нортон.

«Чтобы промокнуть меня, - ответил Барретт, следуя за ним. “Что нового?»

“Молоток загорелся. Мы собираемся получить компанию.»

“Откуда ты знаешь, что они посылают живое существо?»

“Он включен около получаса. Это означает, что они действуют очень осторожно. Они посылают нам нового пленника. Кстати, мы не ждем отправки материалов.»

Барретт утвердительно кивнул.

«Хорошо. Прихожу. Если придет другой, мы можем поставить его с Латимером.»

Нортон хрипло рассмеялся. “Он может быть материалистом, и Латимер заставит его сойти с ума со всеми его мистическими идиотизмом. Мы могли бы поставить это с Альтманом.»

“И его изнасилуют в течение получаса.»

- Альтман преодолел кризис, - сказал Нортон. “Теперь он пытается создать настоящую женщину и больше не ищет замены.»

“Может быть, у входящего человека есть ребро, растущее у него.»

«Очень весело, Джим, - сказал Нортон. Но он совсем не выглядел забавным. “Вы хотите знать, как я хочу, чтобы этот человек был в пути? Консерватор, должно быть. Реакционная черная душа, как Адам Смит. Вот как бы я хотел, чтобы это было.»

“Разве вы не были бы счастливы с товарищем-большевиком?»

«Здесь полно большевиков, - сказал Нортон. “Всех градаций, от бледно-розового до ало-красного. Тебе не кажется, что я устал от них? Ловить трилобитов и обсуждать относительные заслуги Керенского и Маленкова? Я хочу с кем-то поговорить, Джим. Кто-то, с кем можно было бы вести хорошие бурные дискуссии.»

«Очень хорошо, - сказал Барретт, натягивая плащ. “Я посмотрю, смогу ли я вытащить из молотка коллегу, с которым можно поссориться. - Какой-то объективист, хорошо?“Она рассмеялась. “Хочешь знать одну вещь? Может быть, там произошла революция, с того дня, как нас послали последним человеком. Возможно, левые у власти, а правые вне закона. Может быть, нас посылают только реакционеры. Что ты скажешь? Пятьдесят или сто штурмовых элементов. Количество свежего материала для обсуждения экономики. И тогда, может быть, те решат одним махом избавиться от всех левых, посланных сюда старым режимом, и…»

Барретт прервался. Нортон смотрел на него ошеломленно, широко раскрытыми глазами, и нервно гладил себя по волосам, чтобы скрыть смущение.

Барретт понял, что совершил самое ужасное преступление на станции Хоксбилл: он начал протест. И не было особой причины для этого его словесного разглагольствования. Но хуже всего

было то, что “он” позволил себе такую роскошь. Он должен был быть самым сильным, самым квадратным, человеком абсолютной целостности, на плечо которого могли опереться все остальные. И вдруг он потерял контроль. Дурной знак. Немощная нога снова болела. Может быть, это и было причиной его вспышки.

Сухим голосом он сказал: “Пойдем. Возможно, новое уже пришло”»

Изошли. Дождь больше не шел, и гроза двигалась к морю. На востоке, над тем, что когда-нибудь станет Атлантикой, небо всегда было завуалировано серым туманом. Но на Западе появлялся другой серый цвет, оттенка, указывающего на сухую погоду. Прежде чем попасть туда, Барретт ожидал найти практически черное небо, потому что там должно было быть очень мало частиц, на которых свет мог отражаться, превращая все в лазурь. Вместо этого небо было мрачно серым. Несмотря на все теории.

Под мелким дождем они направились к главному зданию. Нортон приспособился к хромающему шагу Барретта, и Барретт, яростно размахивая костылем, сделал все возможное, чтобы его немощь не замедлила движение. Пару раз она теряла равновесие, но делала все, чтобы Нортон не заметил ее.

Станция была перед ними.

Он растянулся примерно на пятистах акрах земли. В центре комплекса находилось главное здание, большой купол, в котором находилась большая часть их техники и оборудования. С большими интервалами друг от друга, похожими на огромные гротескные зеленые грибы, тянулись пластиковые купола отдельных жилищ. Некоторые, как у Барретта, были защищены тонкими экранами, посланными в качестве пополнения оттуда. У других не было ни малейшей защиты, и они были такими и какими выходили изо рта выталкивателя.

Лачуги, около восьмидесяти, в то время вмещали сто сорок человек. Комплект. Оттуда они уже давно не посылали материал для строительства лачуг, и поэтому все вновь прибывшие должны были приехать вместе с кем-то другим. Барретт и все, кто начал изгнание до 2014 года, пользовались привилегией занимать хижину самостоятельно, если они того пожелают. Многие не хотели жить в одиночестве. Барретт вместо этого, чтобы сохранить свой авторитет, был вынужден сделать это. По мере

поступления новых изгнанников их помещали вместе с теми, кто еще жил один, в обратном порядке старшинства. У большинства изгнанников 2015 года к настоящему времени был сосед по дому. Еще дюжина депортированных, и группа 2014 года также потеряет эксклюзивное жилье. Конечно, были смерти, и тогда, очень многие, хотели разделить лачугу с товарищем.

Однако Барретт считал, что приговоренный к пожизненному заключению должен пользоваться, если он того пожелает, хотя бы привилегией одиночества. Одна из их самых больших проблем заключалась в том, чтобы предотвратить распад группы, именно из-за плохой близости. В таком месте контакты могли стать невыносимыми.

Нортон указал на большой сверкающий зеленый купол главного здания.

“Альтман, Рудигер и Хатчетт входят. Здесь что-то случится!»

Барретт потянулся. Несколько человек, направляющихся к куполу, увидели, как его массивная фигура спускается с высоты скал, и кивнули ему в знак приветствия. Барретт поднял в ответ большую руку. Он чувствовал себя все более возбужденным. Ожидание нового приезда всегда было большим событием. Уже полгода никого не было. Самый большой промежуток времени, который он мог вспомнить.

Это была бы катастрофа, если бы никто больше не пришел.

Новички были все, что осталось от старых депортированных, чтобы не сойти с ума. Новички несли новости из будущего, из того мира, который они навсегда оставили позади. Новые вносили свой вклад своей индивидуальностью, чтобы отвлечь от группы опасность старения.

Кроме того, Барретт знал, что некоторые, а он нет, жили в постоянной надежде, что следующим новичком станет женщина.

Вот почему они бегали к главному зданию так часто, как зажигался Молот. Барретт хромал по тропинке. Дождь перестал падать как раз в тот момент, когда он достиг входа в купол.

Внутри зала Молота толпилось около шестидесяти или семидесяти жителей станции, то есть почти все здоровые мужчины тела и ума, и все еще чувствительные к любопытству к новичку. Они громко поздоровались с Барреттом. Баррет кивнул,

улыбнулся и постарался любезным жестом избежать всех вопросов.

“Кто будет на этот раз, Джим?»

“Может быть, девушка, не так ли? Около девяноста лет, высокая, блондинка, и такая…”

- Надеюсь, вы умеете хотя бы играть в шахматы.»

“Посмотрите на свет! Это становится ярче!»

Барретт, как и все остальные, смотрел на Молот. Машина, непостижимый комплекс приборов, светилась красным светом, поглощая нагрузку многих киловатт, которые вводились на другом конце.

Свечение медленно расширялось к наковальне, большой алюминиевой пластине, где оседали все предметы, посланные из будущего. В течение нескольких секунд…

“Малиновое Состояние!- воскликнул вдруг кто-то. “Вот оно!»

2

С расстояния в два миллиарда лет энергия разряжалась в настоящий молот, копия которого у них была лишь частичная. Человек, или что-то еще, может быть, только из материала, стоял в центре наковальни, ожидая, когда энергетическое поле даст ему толчок, который отправит его в начало Палеозоя. Эффекты путешествий во времени были очень похожи на эффекты сильного удара молотка. Отсюда и метафора о разных частях машины.

Строительство станции Хоксбилл было долгой и медленной работой. Молот сначала вырыл путь, чтобы отправить ядро принимающей станции. Поскольку не было принимающей станции для приема принимающей станции, произошла некоторая потеря материала. Не было строго необходимости иметь наковальню и молоток на другом конце, но они, конечно, избегали отходов с течением времени. Без этого оборудования поле слегка качалось, и возникали неудобства, связанные с разбросом оборудования в течение двадцати или тридцати лет. Все вокруг станции Хоксбилл было бесконечно много этих временных отходов, кусков, которые должны были послужить первоначальной установке завода, которые из-за неточности синхронного были разбросаны в радиусе нескольких десятилетий и нескольких сотен километров от места, куда они должны были прибыть.

Однако, несмотря на эти трудности, им в конечном итоге удалось отправить в выбранное место материалы, необходимые для строительства приемной станции. Затем пришли первые заключенные, квалифицированные техники, способные монтировать и наковальню, и Молот. Конечно, они также могли отказаться от сотрудничества. Тем не менее, они были заинтересованы в установке приемной станции, чтобы убедиться, что они получают припасы оттуда. И на самом деле они ее смонтировали. После этого установить станцию Хоксбилл было легко.

Теперь молот сиял, знак того, что на другом конце они активировали лагерь ястребов, в год, который должен был наступить примерно в 2028 или 2030 году. Все операции отправки выполнялись с другой стороны. Там машина только принимала. Он не работал в обратном направлении. Никто не знал почему, даже несмотря на то, что все они были очень

поверхностными разговорами о правилах энтропии.

Когда терминалы поля ястребов начали ионизировать атмосферу зала, раздался шипящий звук. Затем последовала ожидаемая авария имплозии, вызванная несовершенным перекрытием количества воздуха, которое было вычтено из их эпохи, с тем, которое было введено. Затем, внезапно, человек вышел из молотка и покатился, ошеломленный и ушибленный, по наковальне.

Он был очень молод, и Барретт был несколько удивлен этим. Ему должно было быть чуть меньше тридцати. Обычно на станцию отправляли только мужчин средних лет. Неисправимые, которые были изгнаны из человечества ради всех. Самый молодой человек в изгнании, до этого момента, прибыл туда в сорок лет. Вид этого стройного юноши вырвал стон у пары присутствующих, и Барретт понял испуг и волнение.

Пришедший сел, потянулся, как ребенок, проснувшийся от долгого сна, и огляделся.

Он был очень бледен. Губы казались бескровными. Он прищурился и шевелил губами, словно хотел что-то сказать, но не мог найти слов.

Путешествие во времени не причиняло психологического вреда, но всегда давало сильный толчок. Последние мгновения, перед тем как опустился молот, были очень похожи на те, в которые опустился клинок гильотины, поскольку изгнание на станцию Хоксбилл равносильно смертному приговору. Уходящий заключенный бросил последний взгляд на мир, в котором он жил, любил и в котором он стремился к политическому идеалу, а затем был отправлен в немыслимо далекое прошлое для поездки в один конец. Неудивительно, что все пришли в состояние глубокого эмоционального шока.

Баррет пробрался сквозь толпу. И автоматически все отошли, чтобы пропустить его. Он потянулся к наковальне и наклонился вперед, чтобы протянуть руку. Его широкая улыбка была встречена взглядом глубокого изумления.

«Я Джим Барретт, - сказал он. “Добро пожаловать на станцию Хоксбилл. Я советую вам спуститься с этой плиты, пока на вас не налетел груз с товарами.- С легкой гримасой боли Барретт помог новичку спуститься с наковальни. У идиотов наверху была очень

плохая привычка отправлять припасы сразу после того, как они отправили человека.

Барретт кивнул Мел Рудигеру, и дородный анархист дал новичку алкогольную капсулу. Молодой человек взял ее и прижал к руке, не говоря ни слова. Чарли Нортон предложил плитку шоколада, но другой отказался от нее. Он выглядел ошеломленным. Серьезный случай временного шока, подумал Барретт, возможно, худший из всех, что он когда-либо видел. Новичок еще не сказал ни слова. Возможно ли, что последствия могут быть столь катастрофическими?

- Пойдем в лазарет на осмотр, - сказал Барретт. “Тогда я выделю вам жилье. Позже вы сможете поселиться и познакомиться со всеми остальными. Как тебя зовут?»

“Хан. Лью Хан.»

“Я не слышу.»

- Хан, - повторил мужчина едва заметным голосом.

“Откуда ты, Лью?»

“С 2029 года.»

“Тебе плохо?»

«Жутко. И я не могу поверить, что такое действительно случилось со мной. Станции Хоксбилл нет, не так ли?»

- К сожалению, он действительно существует, - сказал Барретт. “По крайней мере, для большинства из нас. Некоторые продолжают думать, что все это иллюзия, вызванная наркотиками. Я в этом сомневаюсь. Если это иллюзия, это ужасно реально. Посмотри вокруг.»

Она обняла его за плечи и оттолкнула, среди пленных, из зала молота, в соседний лазарет. Каким бы худым, даже хрупким ни казался Хан, Баррет с удивлением заметил, что у него мускулистые плечи, и подумал, что молодой человек должен быть гораздо менее беспомощным и беззащитным, чем он выглядел в тот момент. Так и должно было быть, поскольку он был сослан на станцию Хоксбилл.

Они вышли из здания.

- Смотри, - приказал Баррет.

Хан посмотрел на него. Потом провел рукой по глазам, словно освобождая их от невидимой завесы, и вернулся к наблюдению.

- Пейзаж последнего кембрийского периода, - спокойно сказал Барретт. “Это было бы мечтой для геолога, только никто не склонен становиться политзаключенным. Так кажется, по крайней мере. Напротив находится Аппалачская Геосинклиния. Это цепь скал шириной в несколько сотен километров и длиной в несколько тысяч, простирающаяся от Мексиканского залива до Ньюфаундленда. На востоке-Атлантика. Чуть дальше на Запад находится внутреннее море. Примерно в трех тысячах километров еще дальше на Запад находится Геосинклин Кордильеры, которая когда-нибудь станет Калифорнией, штатом Вашингтон и Орегоном. Хорошо. Надеюсь, вам понравятся морепродукты.»

Хан смотрел, и Барретт, остановившись на пороге рядом с ним, тоже огляделся. Он никогда не привыкал к странностям этого места, даже прожив там двадцать лет, как Барретт. Это была Земля, и все же ее не было, потому что она была голой и нереальной. Конечно, серые океаны кишели жизнью. Но на земле не было ничего, кроме нескольких редких пятен мха, в местах, где оседал верхний слой почвы. Даже тараканы были бы рады. Но насекомые прибыли бы только через пару геологических периодов.

Хан оторвался от двери, качая головой. Баррет пробрался к нему по коридору и вошел в помещение, служившее лазаретом.

Доктор Кесада уже ждал их. Кесада не был врачом, но когда-то он был медсестрой и в глубине души хорошо себя чувствовал. Это был крепкий парень с оливковой кожей и совершенно уверенным в себе человеком. Учитывая все обстоятельства, что он не потерял много пациентов, Барретт видел, как он с крайним умением снимал несколько придатков. И в белом халате Кесада выглядел точно как врач.

«Это Лью Хан, - сказал Барретт. “Он находится в шоке от времени. Верни его.»

Кесада поманил новоприбывшего лечь на поролоновую койку и расстегнул ему голубой жилет. Затем он взял кассету с медицинским оборудованием. Станция Hawksbill могла удовлетворить практически все санитарные потребности. Те, кто

там был, не хотели быть бесчеловечными и прислали всякое полезное оборудование, такое как анестетики и хирургические щипцы, лекарства и стетоскопы. Баррет до сих пор помнил те дни, когда были только пустынные купола. Тогда тот, кто получил травму или заболел, оказался бы в серьезной беде.

«Мы уже дали ему выпить, - сказал Барретт.

- Вижу, - пробормотал Кесада, почесывая мохнатые усы. Маленький диагностик в шезлонге быстро приступил к работе, давая информацию о кровяном давлении Хана, индексах дилатации и других цифрах. Кесада, казалось, понял все мгновенно. Через несколько минут она повернулась к хану.

“Ничего серьезного. Ты просто немного потрясен, - сказал он. “Я дам тебе что-нибудь, чтобы успокоить нервы, и ты будешь в порядке. Хорошо, как и все мы.»

Он приложил трубку к сонной артерии Хана и нажал кнопку. Шипение, и жидкость транквилизатора проникла в кровь больного. Хан вздрогнул.

«Дайте ему отдохнуть пять минут, - сказал Кесада. “Время преодоления кризиса.»

Они оставили Хана лежать на кровати и вышли из лазарета. В холле Баррет спросил: “Что нового о Вальдосто?».

Несколько недель назад вальдосто был поражен психическим коллапсом. Кесада держал его под воздействием наркотиков, чтобы попытаться медленно вернуть его к реальности станции Хоксбилл. Он пожал плечами.

“Все то же самое. Сегодня утром я прекратил прием препарата. Он такой, как раньше.»

“Как вы думаете, он не заживет?»

“Я сомневаюсь в этом. Крах тотальный. Те, кто наверху, могут исцелить его, но…»

- Да, - согласился Барретт. Если бы он смог вернуться туда, Вальдосто не рухнул бы. “Постарайтесь не заставлять его страдать. Если он не может исцелить, пусть он живет наименее хуже. А Альтман? Всегда обычные кризисы?»

“Он строит женщину.»

“Чарли Нортон сказал мне. Что он использует? Тряпки, кость…»

“Я дал ему дополнительные химикаты, которые у меня были. Выбирается специально для цвета. Он взял зловонное медно-зеленое соединение, немного этилового спирта и шесть или семь других вещей, собрал немного земли, смешал ее с раковинами и вырезал форму, которая, по его словам, является женским телом. Теперь подожди, пока в нее ударит молния.»

«Другими словами, он совершенно сошел с ума, - сказал Барретт.

“Боюсь, что да. Во всяком случае, это больше не беспокоит товарищей. Я помню, вы были убеждены, что его гомосексуальная фаза не продлится долго.»

«Уже. Но я не думал, что это дойдет до этого момента. Если мужчине нужен секс, и он находит пару, готовую удовлетворить его, это нормально для меня. Но если он начинает строить женщину и хочет сделать ее из земли и гнилых раковин, значит, мы ее окончательно потеряли. Это зло.»

Темные глаза Кесады сверкнули.

“Рано или поздно мы все закончим так, Джим.»

«Я еще не закончил. И ты тоже.»

“Дайте время времени. Я здесь один одиннадцать лет.»

“Альтман здесь уже Отто. Вальдосто еще меньше.»

- Одни рушатся намного раньше других, - сказал Кесада. “Вот наш новый друг.»

Хан вышел из лазарета, чтобы догнать их. Он по - прежнему был очень бледен, но испуганное выражение лица исчезло.

«Я не мог не слушать ваш разговор, - сказал он. “У вас много душевнобольных?»

- Кто-то не нашел ничего интересного, - сказал Барретт, - и отпустил. Кесада присматривает за лазаретом. Я взял на себя административные обязанности. Некоторые изучают морскую жизнь. И мы основали газету, чтобы другие были заняты. Но всегда есть те, кто впадает в отчаяние и рушится. Я бы сказал, что

сейчас у нас от тридцати до сорока маньяков из ста сорока жителей.»

«Это не безнадежная ситуация, - сказал Хан, - учитывая присущую ему нестабильность людей, которых сюда посылают, и необычные условия жизни, в которых они оказываются.»

Баррет расхохотался.

“Вы внезапно стали очень разговорчивыми, я вижу. Что заставило вас выпить доктора Кесаду?»

«Я не хотел выдавать себя за превосходство, - поспешно сказал Хан. “Может быть, я немного выразился. Я хотел сказать…»

«Брось. Что ты там делал?»

“Я был своего рода экономистом.»

«Именно то, что нам нужно, - сказал Кесада. «Он может помочь нам решить наши проблемы с балансом дивидендов.»

«Если вы были экономистом, то здесь вам предстоит многое обсудить, - сказал Барретт. “Место заполнено теоретическими экономистами,которые будут рады сравнить свои идеи с вашими. Некоторые из них все еще идеально сбалансированы. Пойдем со мной. Я покажу тебе твое жилье.»

3

Тропа, ведущая от главного здания к хижине Дональда Латимера, была почти вся под гору, и Барретт был счастлив, хотя вскоре ему пришлось столкнуться с тяжелым трудом возвращения. Купол Латимера находился в восточном конце станции, прямо на берегу океана. Они медленно шли по улице. Хан беспокоился о больной ноге Барретта, и Барретт был раздражен чрезмерной заботой молодого человека идти в ногу с ним.

Хан озадачил его. Этот парень был живым противоречием. Он прибыл туда с худшим шоком, который когда-либо видел Барретт, и пришел в себя с ошеломляющей быстротой. Она казалась хрупкой и нежной, но под жилетом скрывались крепкие мышцы. Он производил впечатление неосторожного, но говорил спокойно и уверенно. Баррет удивился, что он сделал, чтобы заслужить изгнание на станции Хоксбилл. Но было время узнать. Столько времени, сколько нужно, и даже больше.

“Это все так?”- спросил Хан. “Только скалы и океан?»

“Все так. Жизнь на Земле еще не сложилась. Все удивительно просто, не так ли? Без разбора. Никаких городских центров. На Земле появилось несколько мхов, но не так много.»

“А в море? Есть ли динозавры?»

Барретт покачал головой.

“Позвоночных не будет еще полмиллиона лет. У нас даже нет настоящей рыбы, не говоря уже о рептилиях. Мы можем предложить только раковины и крупных моллюсков, напоминающих кальмаров и трилобитов. Семьсот миллионов различных видов трилобитов. Есть с нами некий Рудигер, тот, кто предложил тебе выпить, который занимается сбором этих моллюсков. И он пишет очень косвенную книгу о трилобитах.»

“Но никто никогда не прочитает это … в будущем.»

“Мы говорим там.»

“И это нормально. На небесах.»

«Это настоящий позор, - сказал Барретт. “Мы посоветовали

Рудигеру написать свою книгу на нерушимых золотых пластинах в надежде, что их потом найдет какой-нибудь палеонтолог. Но он говорит, что это бесполезно. Два миллиарда геологических лет могут безопасно уничтожить все, прежде чем кто-то их найдет.»

Хан понюхал воздух.

“Почему это странно пахнет?»

«Это другой состав, - сказал Барретт. “Мы проанализировали это. Там больше азота, немного меньше кислорода, и почти нет следов CO2. Но не только поэтому вы чувствуете странный запах. Дело в том, что это чистый воздух, не загрязненный жизненными выдохами. Никто никогда не дышал ей. Только мы, и нас слишком мало, чтобы ее испортить.»

“Я чувствую себя немного обманутым из-за того, что нашел такой пустой мир. Я ожидал найти непроходимые леса со странными растениями, летящими птеродактилями и, возможно, тиранозавром, пытающимся снести баррикаду вокруг станции.»

“Никаких джунглей. Никаких птеродактилей. Никаких тиранозавров. И никаких баррикад. Ты все испортил.»

“Извините.»

“Здесь мы находимся в позднем кембрии. Есть только морская жизнь.»

“Они были любезны выбрать такую мирную эпоху в качестве лагеря для политических заключенных. Я боялся оказаться среди клыков и когтей.»

“Добрый Рог! Они выбрали эпоху, когда мы не могли нанести ни малейшего вреда. Они послали нас до эволюции млекопитающих, чтобы мы случайно не вступили в контакт с предком всего человечества и не уничтожили его. Они отправили нас дальше, чем любая форма земной жизни, основываясь на теории, что если бы мы убили даже маленького динозавра, мы могли бы изменить ход будущего.»

“Разве они не беспокоятся, если мы убьем несколько трилобитов?»

- Очевидно, нет, - сказал Барретт. “Станция существует уже двадцать пять лет, и мне не кажется, что история будущего

сильно изменилась. Конечно, они хорошо смотрят на то, чтобы послать к нам хотя бы одну женщину.»

“Почему?»

“Потому что мы можем размножаться и увековечивать себя. Вся мировая история была бы потрясена. Разумная человеческая раса, развивающаяся за два миллиарда лет до нашей эры, будет иметь достаточно времени, чтобы развиваться, мутировать и размножаться. К приходу двадцать первого века наши потомки окажутся у власти, а другие расы будут переведены в состояние рабства. Разве это не хуже, чем позволить нам поймать несколько трилобитов? Таким образом, они не посылают женщин. Есть лагерь для военнопленных для женщин, но он находится во времени, перенесенном на несколько миллионов лет, в позднем Силурии. У нас нет ни малейшего шанса встретиться. Вот почему Нед Альтман пытается построить женщину с Землей и каким-то химическим веществом.»

“Бог сделал человека с гораздо меньшим.»

- Альтман не Бог, - сказал Барретт. “Вот в чем дело. Вот лачуга, где ты остановишься. Я поставил тебя с Доном Латимером. Она очень понимающий, умный и приятный человек. Он был физиком до того, как занялся политикой, и находился здесь около двенадцати лет. Я должен сообщить вам, что в последнее время у него развилась сильная и в каком-то смысле абсурдная мистическая страсть. Товарищ, с которым он жил, покончил с собой в прошлом году, и с тех пор он пытается уйти отсюда с помощью экстрасенсорных сил.»

“Но это серьезно?»

“Боюсь, что да. И мы стараемся относиться к нему серьезно. На вокзале потворствуют друг другу. Это единственное средство избежать массового психоза. Латимер, вероятно, попытается убедить вас сотрудничать с ним в его проекте. Если вам не нравится жить с ним, я посмотрю, как вы переедете в другое место. Но я хочу посмотреть, как она реагирует с человеком, который только что появился среди нас. Я бы хотел, чтобы вы ему немного помогли, если это возможно.»

“Возможно, вместе мы сможем найти способ уйти.»

«Если найдете, дайте мне знать, - сказал Барретт и расхохотался. Затем в дверь постучал Латимер. Никто не ответил. Через

мгновение Баррет толкнул дверь и вошел. На станции не было замков.

Латимер сидел на голом полу, в центре купола, скрестив ноги. Он был погружен в медитацию. В тот момент он казался за миллионы километров оттуда, и он полностью проигнорировал их. Хан сделал шаг вперед, и Барретт приложил палец к губам. Несколько минут они молча ждали, затем Латимер, казалось, вышел из состояния транса.

Она упругим движением поднялась на ноги, не помогая себе руками.

“Вы только что приехали? - спросил он, вежливо обращаясь к хану.

“Около часа назад. Меня зовут Лью Хан.»

“Я Дональд Латимер. Мне жаль, что нам пришлось познакомиться в таком месте, но, возможно, нам не придется долго терпеть это незаконное изгнание.»

- Дон, - сказал Барретт, - Лью придется разделить эту хижину с тобой. Я думаю, вы поладите. Он был экономистом до 2029 года, затем они положили его в молоток.»

“Откуда ты?- спросил Латимер с лихорадочным огоньком в глазах.

“Из Сан-Франциско.»

Свет погас.

“Вы никогда не были в Торонто? Это мой город. У меня была дочь … ей сейчас должно быть двадцать три года. Ее зовут Нелла. В Латимере. Ты ее никогда не встречал?»

“Нет, извините.»

“На самом деле это было маловероятно. Но я хотел бы знать, какой женщиной она стала. Она была маленькой девочкой, когда я видел ее в последний раз. Теперь я думаю, что она вышла замуж. Или, может быть, ее отправили на другую станцию. - В Латимере… ты уверен, что никогда с ней не встречался?»

Барретт оставил их в покое. У него сложилось впечатление, что

они поладят. Он сказал Латимеру сопровождать Хана в Главное здание во время обеда, чтобы познакомить его с другими, и вышел. Тонкий ледяной дождь снова начал падать. Барретт медленно пошел по дороге,с трудом поднимаясь по склону. Он испытывал глубокую боль, видя, как свет исчезает в глазах Латимера, когда Хан сказал ему, что не знает свою дочь. Люди на станции никогда не говорили о своих семьях и старались как можно больше стереть все воспоминания. Но каждое новое прибытие вызывало желание узнать что-нибудь о далеких людях. Они никогда не слышали о родственниках и не имели возможности их получить, потому что общаться с ними было невозможно. Не было возможности попросить фотографию любимого человека, ни конкретного лекарства, ни определенной книги, ни записи. Время от времени оттуда доставлялись периодические припасы для станции, вещи, которые они считали полезными: книги, лекарства, механические детали, еда. Иногда им даже удавалось произвести впечатление своей щедростью, как в тот раз, когда они прислали ящик бургундского вина или ящик с инструментами, или зарядку для батарей. Эти дары обычно означали оттепель в мировой ситуации, которая проявлялась в желании быть добрыми к людям на станции. Но они больше не посылали никаких новостей о родственниках. Ни газеты того времени. Изысканные вина, да. Трехмерная фотография дочери, которую они больше никогда не увидят, нет.

Насколько знали те, кто там был, на станции, возможно, не осталось ни одного выжившего. Эпидемия, возможно, убила всех десять лет назад. Но у них не было возможности узнать. Вот почему припасы продолжали прибывать. Правительство регулярно выполняло свой долг. Правительство, каким бы оно ни было, не было бесчеловечным и жестоким. В глубине души существуют и другие средства тоталитаризма, помимо кровных репрессий.

Барретт остановился на вершине холма, чтобы отдышаться. Для него воздух уже не имел странного запаха. Он тяжело дышал. Дождь снова перестал падать. Сквозь серые облака просочился солнечный луч, заставивший сиять скалы. Барретт прислонился к костылю и на мгновение закрыл глаза. И он увидел, как на экране, существа с маленькими лапами, поднимающиеся с моря, и моховые ковры, расползающиеся, и растения без цветов, раскатывающие свои ветви, и темные шкуры первых земноводных, мерцающие на пляжах, и тропическая жара того времени, когда уголь будет образовываться, спускается, как перчатка на мир.

Все они были фактами будущего. Динозавр. Мелкие млекопитающие. Питекантроп из лесов Явы, Саргона и Ганнибала, и Аттилы, и Орвилла Райта, и Томаса Эдисона, и Эдмонда Хоксбилла. И, в конце концов, патерналистское правительство, которое не могло терпеть мысли некоторых людей и решило изгнать их в каменный мир в начале времени. Правительство было слишком цивилизованным, чтобы приговаривать к смертной казни людей, виновных в подрывной деятельности, и слишком трусливым, чтобы оставить их в живых. Компромиссом стала гражданская смерть на палеозойской станции. Два миллиарда лет непревзойденного времени были достаточно безопасным изгнанием даже для самых подрывных идей.

Баррет поморщился, затем снова направился к своей хижине. Он уже давно смирился с тем, что принял свое изгнание, но принять изуродованную ногу было совсем другое дело. Безумное желание вернуть свободу в свое время исчезло. Тем не менее он всей душой желал, чтобы неизвестный администратор наверху прислал ему приборы, чтобы вернуть его ногу на место.

Он вошел в хижину, бросил костыль в угол и упал на койку. Бранда не было, когда он прибыл на станцию. Они послали их через четыре года, когда осталось всего десяток зданий и очень мало удобств. Печально известное место, которое постепенно, с материалами, отправленными оттуда, стало пригодным для жилья. Из примерно пятидесяти заключенных, предшествовавших Барретту на станции, никого больше не было в живых. Около десяти лет он сохранял свое первенство по старшинству. Там от них время двигалось по отношению к тому, что было там. Молот был закреплен в тот момент времени, так что Хан, прибывший в тот день, через двадцать лет после Барретта, ушел оттуда через двадцать лет после изгнания Барретта. У Барретта не хватило смелости немедленно спросить Хана о новостях до 2029 года. Он все равно знал бы все, что хотел знать, рано или поздно, но это не доставило бы ему большого удовлетворения.

Барретт взял книгу. Но долгая прогулка утомила его больше, чем ожидалось. Несколько мгновений он смотрел на страницу. Потом отложил книгу, закрыл глаза и задремал.

4

В тот вечер, как и каждый вечер, люди с вокзала толпились в главном здании на ужин и несколько часов отдыха. Это не было обязательным, и некоторые предпочитали есть в одиночку. Но в тот вечер присутствовали все, кто владел всеми факультетами, потому что в тот вечер представился один из очень редких случаев спросить Новичка о настоящем мире людей.

Хан выглядел неуютно от этой внезапной известности. Он вел себя так, как будто его смущало внимание, которому он был подан знак. Он сидел посреди группы, а мужчины лет на двадцать или тридцать старше его задавали ему вопросы. И было очевидно, что его ответы их не позабавили.

Сидя немного в стороне, Барретт не так уж и много участвовал в обсуждении. Его любопытство по поводу идеологических изменений там давно прекратилось. Ему было трудно убедить себя, что он когда-то увлекся такими понятиями, как синдикализм, диктатура пролетариата, гарантии заработной платы, настолько, что оказался в изгнании. Его интерес к человечеству не уменьшился. Но исчезло значение развития политических проблем двадцать первого века. После двадцати лет изгнания мир наверху стал нереальным, и вся его энергия была сосредоточена на кризисах и проблемах того, что он начал считать “своим истинным” временем… позднего кембрия.

Так он слушал, но больше для того, чтобы узнать из разговоров что-то о Лью Хане, чем для того, чтобы узнать о последних событиях.

С его ответами Хан не раскрыл много о себе. Действительно, у него сложилось впечатление, что он нарочито уклончив.

Чарли Нортон спросил: “есть ли признаки ослабления ложного консерватизма? Я имею в виду, что они обещали конец Великого правительства в течение тридцати лет, но до сих пор оно становилось все больше и больше».

Хан неловко пошевелился.

“Они продолжают обещать. Как только условия стабилизируются…»

“Что вы скажете нам о марсианской коммуне?- спросил Сид Хатчетт. “Они проникают на землю?»

“Я не знаю.»

“Какова ситуация с Gross Global Product?- спросил мел Рудигер. “Он сохраняет свою позицию, или он находится в упадке?»

Хан почесал одно ухо.

“Я думаю, что он медленно падает.»

“Какой у него индекс?”- спросил Рудигер. “Последние котировки, те из 25, были в 909. Но через четыре года…»

«Теперь они должны быть около 875» - сказал Хан.

Барретту показалось немного странным, что экономист настолько неточен в статистических данных. Конечно, он не знал, как долго Хан оставался в тюрьме, прежде чем его ввели в Молот. Возможно, он просто игнорировал самые последние данные. Он продолжал слушать, не вмешиваясь.

Чарли Нортон хотел кое-что узнать о законных правах граждан. Хан не смог ответить. Рудигер спросил о контроле погоды, если предполагаемое консервативное правительство все еще заставляет граждан глотать таблетку запланированных погодных условий… и Хан не смог ответить. Он также не знал точно о функциях судей и ограничивали ли они эти полномочия, предоставленные судебной системе указом 18 года. У него даже не было комментариев, чтобы предложить грубую проблему контроля над рождаемостью. На самом деле его выступление отличалось абсолютным отсутствием информации.

«Он нам мало что рассказал, - пробормотал Чарли Нортон молчаливому Барретту. “Он развел дымовую завесу. Или это не значит, что он знает, или он ничего не знает.»

«Может быть, он не очень милый парень, - сказал Барретт.

“Что он сделал, чтобы его отправили сюда? Должно быть, он совершил что-то действительно серьезное. Но это не говорит нам, Джим! Он умный парень, однако он ничего не сказал нам о том, что может нас заинтересовать.»

Доктор Кесада изложил свою идею.

“Возможно, речь идет не о политическом осужденном. Предположим, сейчас нас отправят в плен. Обычные преступники. Убийцы. Безумец, который внезапно, в воскресенье утром, убивает шестнадцать человек без причины. Если это так, мне кажется логичным, что вы не заботитесь о политике.»

Барретт покачал головой.

“Я сомневаюсь в этом. Я думаю, что он замкнут в себе, потому что он застенчивый. Это его первый вечер с нами, помните об этом. Они изгнали его из его мира, и у него нет шансов вернуться туда. Возможно, он оставил жену и детей позади. В этот вечер может случиться так, что ему наплевать сидеть среди нас и говорить об абстрактной философии. Может быть, он просто хотел бы уйти и поплакать куда-нибудь. Я бы сказал, что нам лучше оставить его в покое.»

Кесада и Нортон оказались убежденными. Барретт, однако, не передавал свои идеи всем присутствующим в зале, и он позволил допросу Хана продолжаться, пока он не закончился исчерпанием вопросов. Мужчины стали отходить. Пара удалилась в соседнюю комнату, чтобы заполнить статью, которая появится в новой рукописной копии“Hawksbill Station Times”. Рудигер встал, чтобы объявить, что проведет ночь на рыбалке, и четверо мужчин попросили пойти с ним. Чарли Нортон остановил обычного собеседника, нихилиста Кена Беларди. Многие начинали вечерние игры в шахматы. Одинокие, те, кто редко посещал здание и приходил только для того, чтобы увидеть новичка, вернулись в свои лачуги.

Хан остался в стороне, один, неуютный и неуверенный.

Баррет подошел к нему.

- Возможно, ты предпочла бы не допрашиваться сегодня вечером, - сказала она.

“Извините, но я все равно не мог быть более точным. Я был вне обращения в течение некоторого времени.»

“Политический изгнанник, не так ли?»

- Да, - сказал Хан. «Безусловно.- Он провел языком по губам. “Что теперь происходит?»

“Ничего особенного. Здесь мы не организовали никакой

политической деятельности. Мы с врачом идем навестить некоторых больных. Хочешь пойти с нами?»

“С какой целью?- спросил Хан, изумленно глядя на него.

“Вы увидите наши худшие случаи. Это будет не приятно, но вы быстро получите общее представление о станции.»

“Я пойду с тобой.»

Барретт кивнул Кесаде, и все трое вышли из здания. Это была вечерняя работа Барретта. Задача, которая давила ему на ногу в таких условиях. Они начали тур с посещения фиксированных, параноиков и кататоников, чтобы пожелать им спокойной ночи и хорошего пробуждения. Кто-то должен был взять на себя эту задачу, и Барретт взял ее на себя.

Снаружи Хан поднял глаза к Луне. Она была почти полна и сияла, как светящаяся монета, бледного лососевого цвета и с очень небольшими пятнами.

- Она выглядит совсем по-другому, - сказал Хан. “Кратеры … где кратеры?»

- Многие еще не сформировались, - сказал Барретт. “Два миллиарда лет-это долгий период, даже для Луны. Мы даже думаем, что у него все еще может быть атмосфера. Вот почему он кажется нам розовым. Конечно, оттуда нам не прислали инструменты для каких-либо астрономических обнаружений, поэтому мы должны ограничиться предположениями.»

Хан начал что-то говорить, но остановился, произнеся первый слог.

- Говори, - пригласил Кесада. “Что ты собирался сказать?»

Хан чуть не рассмеялся, чтобы насмехаться над собой.

«Что вы должны были лично проверить, - сказал он. - Мне показалось странным, что вы столько лет спорили и делали теории об атмосфере Луны, и вам никогда не приходило в голову пойти посмотреть. Но я что-то забыл!»

«Было бы неплохо, если бы оттуда нас отправили на разведку, - сказал Барретт. “Но они никогда не думали об этом. Мы можем только наблюдать. Луна стала очень популярным местом в 29

году, не так ли?»

«Это самый большой курорт во всей системе, - сказал Хан. “Я провел там свой медовый месяц. Лия и я…»

Она снова прервалась. И никто не задавал вопросов.

«Это хижина Брюса Вальдосто, - вдруг сказал Барретт. “Он сошел с ума несколько недель назад. Когда мы войдем, встаньте позади нас, чтобы он вас не увидел. Присутствие незнакомца может сделать его беспокойным. Это непредсказуемо.»

Вальдосто был дородным мужчиной лет пятидесяти, с оливковой кожей, черными вьющимися волосами и плечами, которые шире было невозможно. Сидящий выглядел еще массивнее Барретта, о чем все говорило. Однако у вальдосто были короткие, коренастые ноги, ноги обычного человека, прикрепленные к телу гиганта, и это придавало ему причудливый вид. В то время, когда он жил там, он всегда отказывался делать какие-либо протезы.

В это время он был привязан к поролоновой кроватке. Его лоб покрылся потом, а глаза сверкали в темноте. Он был очень больным человеком. Когда-то он был настолько ясен, что натянул снежную бомбу на заседание Совета мэров и спровоцировал дюжину неприятных случаев отравления. Теперь он едва мог различить верхнее от нижнего, а правое от левого.

Барретт наклонился над ним и спросил: “как он, Брюс?».

“Кто ты?»

“Джим. Это прекрасная ночь, Брюс. Хотите выйти на свежий воздух? Луна почти полная.»

“Я хочу отдохнуть. Комитет собирается завтра…»

“Они отправили его обратно.»

“Как это возможно? Революция…»

“Это тоже отложено. Дата назначения.»

“Они плавят клетки?- спросил вальдосто хриплым голосом.

“Мы еще не знаем. Ждем приказов. Выходи, Брюс. Воздух принесет вам пользу.»

Бормоча, Вальдосто позволил себе развязаться. Кесада и Барретт помогли ему встать, и они вместе вышли из хижины. Баррет увидел Хана в полумраке: он был бледен от волнения.

Они остановились в нескольких шагах от хижины, и Барретт указал на Луну.

“Здесь у него красивый цвет. Не такой желтоватый, как там. И Смотри, смотри вниз, Брюс. Море разбивается о скалистые берега. Рудигер вышел на рыбалку. В лунном свете можно увидеть его лачугу.»

- Окунь, - сказал Вальдосто. “Я бы хотел, чтобы он поймал окуня.»

«Его еще нет. Они еще не развились.- Баррет полез в карман и вынул из него предмет длиной около шести сантиметров. Это был скелет маленького трилобита. Он отдал его Вальдосто, но тот покачал головой.

“Я не хочу тараканов.»

“Это трилобит, Брюс. Он вымер, но и мы тоже. Мы находимся на два миллиарда лет в нашем прошлом.»

«Ты, должно быть, сумасшедший, - сказал Вальдосто спокойным, низким голосом. Он взял трилобит из рук Барретта и швырнул его в камень. «Это таракан, - пробормотал он.

Кесада медленно покачал головой. Затем они с Барреттом вернулись с больным к хижине. Вальдосто не протестовал, когда врач дал ему успокоительное. Его обезумевший ум не принимал концепцию изгнания в пугающе отдаленном прошлом. Потом Вальдосто уснул.

Когда они вышли, Баррет увидел, что Хан держит трилобит на ладони, и внимательно наблюдает за ней.

- Держи его, если хочешь, - сказал Барретт, увидев, что Хан хочет вернуть его ей. «Здесь их бесконечно много.»

Они возобновили круг. Они нашли Неда Альтмана рядом с его хижиной, стоящего на коленях на земле и намеревающегося хлопать в ладоши примерно человеческой формы с преувеличенными женскими чертами. Когда они оказались рядом с ним, он встал. Альтман был маленький, со светлыми волосами и белыми, почти невидимыми бровями. Когда-то, пятнадцать лет

назад, он был блестящим политиком. Восемь лет на станции сократили его таким образом.

Альтман указал на свою скульптуру и сказал: «Я надеюсь, что в сегодняшнем дожде есть молния. Все было бы решено. Но в это время года не так много молний. Она встанет, живая. На данный момент Вы мне нужны, доктор. Вы должны сделать ей уколы и исправить те части, которые я неправильно вырезал».

Кесада заставил себя улыбнуться.

“Я буду рад помочь тебе, Нед. Но вы знаете, каковы условия.»

«Некоторый. Когда она будет готова, Вы ее получите. Ты думаешь, что я. это грязный монополист? Я разделю ее с другими. Есть длинный список ожидания. Но вы не должны забывать, кто это сделал. Она останется моей, и я смогу иметь ее, когда захочу.”- Заметил Хан. “А ты кто?»

«Это ново» - сказал Барретт. “Его зовут Лью Хан. Он прибыл сегодня днем.»

- Нед Альтман, - представился Альтман с вежливым поклоном. «Когда-то я был частью правительства. Ты очень молод. Какова ваша сексуальная ориентация? К женскому полу?»

Хан вздрогнул.

“Я боюсь да.»

«Хорошо. Я не буду тебя беспокоить. Я почти выполнил свой проект, и я тоже внесу вас в список ожидания. Вы молоды и, вероятно, нуждаетесь больше, чем многие из нас. Я не забуду тебя, даже если ты только что приехал.»

Кесада кашлянул.

“Теперь ты должен идти отдыхать, Нед. Может быть, молния придет завтра утром.»

Альтман не возражал. Врач проводил его в хижину и уложил в постель. Хан и Барретт стояли, глядя на скульптуру, затем хан указал на центр фигуры.

- Он забыл что-то важное, - сказал он. “Если он хочет заняться любовью с этой девушкой, когда-то созданной, ему будет

лучше…»

- Вчера был, - сказал Барретт. “Должно быть, он снова изменил ориентацию.»

Кесада вышел из хижины, и все вместе они снова отправились в путь.

В тот вечер Барретт не прошел полный круг. Обычно он спускался в хижину Латимера на берегу океана, потому что Латимер тоже был в списке больных. Но Баррет уже навещал Латимера днем, и его нога слишком устала, чтобы снова подвергнуться долгой прогулке. Таким образом, побывав в наиболее легкодоступных лачугах и посетив человека, который умолял существ с других планет прийти и спасти его, и того, кто пытался переместиться в параллельную вселенную, чтобы найти идеальный мир, и товарища, который постоянно лежал, вздыхая, Барретт пожелал спокойной ночи двум другим и умолял Кесаду сопровождать хана до его лачуги.

Наблюдая за Ханом полдня, Баррет понял, что ничего о нем не узнал, и что он не знал больше, чем знал в тот момент, когда видел, как он упал на наковальню. Но, возможно, Хан открыл бы больше после нескольких дней пребывания. Баррет посмотрел на Луну и сунул руку в карман, чтобы отыскать маленького трилобита. Потом она вспомнила, что отдала его Хану. Он вошел в свою хижину. И он попытался представить, как долго Хан совершил свое свадебное путешествие на Луну.

5

На следующее утро, когда Барретт прибыл на Завтрак, персик Рудигера выстроился перед главным зданием. Это была отличная ночь. Обычно Рудигер выходил на рыбалку три ночи в неделю. Он использовал маленький динго, построенный несколькими годами ранее из упаковочных материалов, и привел с собой команду друзей, которых он обучил умелому использованию сетей.

Ирония заключалась в том, что Рудигер, анархист, человек, который верил в индивидуализм и отмену всех политических институтов, был идеальным командиром рыбацкой команды. На вокзале было еще много таких маленьких ироничек. Теоретики политики, как правило, отказывались от своих теорий, когда оказывались вынужденными к прамматическим мерам выживания.

Лучшим промыслом был головоногий моллюск длиной около четырех метров, своего рода трубка с жестким конусом, из которой торчали щупальца, похожие на щупальца кальмара. Только это представляло собой кучу мяса, подумал Барретт. Вокруг лежали десятки трилобитов разной величины, от трех сантиметров до девяноста, со всеми разновидностями их скелетов в стиле барокко. Рудигер ловил рыбу и для того, чтобы добыть пищу, и для учебы. Очевидно, все эти трилобиты были обрывками, которые он уже изучил, иначе он не сделал бы их доступными для голодных. Его хижина была оклеена трилобитами до потолка. Сам факт их сбора и изучения спасал его от безумия, и никто не критиковал его хобби.

Рядом с трилобитами стояла куча брахиопод, похожих на двустворчатых моллюсков, выросших из кочки, и еще одна куча раковин. Теплая мелководье у побережья изобиловало жизнью, резко контрастируя с бесплодной землей. Рудигер также принес некоторое количество морских водорослей ярко-черного цвета. Барретт надеялся, что кто-то соберет всю эту еду и положит ее в холодильные ящики, прежде чем она испортится. Там бактерии разложения действовали медленнее, чем там, но в течение нескольких часов, если бы она оставалась на открытом воздухе, весь промысел Рудигера испортился бы.

В тот день Барретт думал о том, чтобы нанять нескольких человек для ежегодной экспедиции во внутреннее море. Обычно он

командовал группой, но на этот раз травма ноги помешала ему даже рассмотреть возможность участия в экспедиции. Каждый год около дюжины крепких людей отправлялись в обширный исследовательский круг, который вел их на северо-запад, к морю, а затем на юг, следуя вдоль побережья и, наконец, обратно на станцию. Одна из целей поездки состояла в том, чтобы собрать все материалы, которые могли материализоваться поблизости в течение года. Не было никакого способа узнать, какую погрешность они допустили в то время, когда пытались установить станцию. Каждый год они находили что-то новое. Материал, предназначенный для минус двух миллиардов двести тысяч пять до н. э. может появиться десятки лет спустя. Станция нуждалась во всех доступных материалах, и Барретт, конечно же, не упустил возможности ее восстановить.

Но была еще одна причина для поездки во внутреннее море. Это было событие года, своего рода ритуал. Это был их обряд весны.

Двенадцать сильнейших мужчин, которые шли пешком к далеким каменным берегам теплого моря, затопившего центральную часть Северной Америки, выполняли своего рода религиозную функцию, хотя и не совершали ничего мистического, достигнув внутреннего моря, за исключением того, что ловили несколько трилобитов и ели их. Поездка означала для Барретта нечто большее, чем он сам подозревал. Теперь он понимал, что не может участвовать в ней. Этими экспедициями он всегда командовал более двадцати лет.

Но в прошлом году он хотел рискнуть на скалах, которые стали рыхлыми из-за эрозии волн. Он отважился на опасную местность без какой-либо правдоподобной причины, и мускулы предали его. Он часто просыпался ночью, весь в поту, чтобы избежать кошмара, который заставил его пережить эти страшные моменты. Он поскользнулся, ухватился за камни, и каскад камней, освободившись неизвестно откуда, обрушился на него, сокрушив его ногу. Он не мог забыть шум ломающихся костей. Он никогда не забудет длинный марш домой, через сотни километров голой скалы, поддерживаемый товарищами.

Он думал потерять ногу, но Кесада избавил его от ампутации. Только он больше не мог опереться ногой на землю. Было бы намного проще вырезать бесполезный придаток. Кесада отказался. - Кто знает, - сказал он, - когда-нибудь, может быть, они пришлют нам кое-какие материалы для трансплантации. Я не мог восстановить ампутированную ногу.- Так Барретт держался за

раздавленную ногу, и теперь он должен был доверить кому-то еще командование экспедицией.

Кому?

Кесада был самым подходящим. Как и Барретт, он также был самым сильным, и в этом путешествии было очень важно быть самым сильным. Но Кесада не мог отойти от станции. Было бы целесообразно иметь врача во время поездки, но обязательно иметь его на станции. После нескольких мгновений раздумий Барретт решил передать командование Чарли Нортону. Затем он подумал о Кене Беларди, о том, с кем Нортон мог поговорить. В прошлом году Рудигер был чемпионом по энергии после того, как Барретт получил травму. Но Барретт не заботился о том, чтобы Рудигер покинул станцию. Он должен был выбрать достойных мужчин для поездки, но не мог свести базу к группе инвалидов, больных и психопатов. Рудигер остался бы. Двое его товарищей по рыбалке вошли в список. Сид Хатчетт и Арни Жан-Клод тоже.

Затем он подумал о том, чтобы поместить в группу и Дона Латимера. Латимер дошел до предела безумия, но все же рассуждал прекрасно, за исключением случаев, когда терялся в своих размышлениях, и мог оказать всю свою помощь попутчикам. С другой стороны, Латимер также был спутником Лью Хана, и Барретт хотел, чтобы Латимер остался внимательно следить за Ханом. Он на мгновение подумал о том, чтобы отправить их обоих в экспедицию, а затем отбросил идею. Хан все еще был для них незнакомцем. Было бы слишком рискованно отправить его с группой во внутреннее море. Возможно, в следующем году.

В конце концов, выбрав двенадцать человек, которые будут участвовать в экспедиции, Барретт написал имена на доске у входа в столовую, а затем отправился на поиски Чарли Нортона, чтобы сказать ему, что он выбрал его, чтобы командовать группой вместо него.

Было странно думать, что он останется там, пока другие уйдут. Это было своего рода отречение после того, как он командовал в течение стольких лет. Старый калека, вот что это было, нравится ему это или нет. И лучше бы он убедился в этом поскорее.

Во второй половине дня люди экспедиции во внутреннее море собрались, чтобы решить, что взять и установить маршрут. Барретт не принимал участия во встрече. Теперь эти решения

были за Чарли Нортоном, который уже принял участие в восьми или десяти поездках и, следовательно, знал, что делать.

Но некий мазохистский импульс побудил его не бездействовать. Если бы он не мог видеть западные воды в этом году, он бы отправился исследовать Атлантику за своей хижиной. Он остановился в лазарете и, видя, что Кесады там нет, взял пузырек с антиневралгическим. Он быстро пошел по тропинке, ведущей на восток, и когда он оказался в нескольких сотнях метров от главного здания, он сбросил штаны и быстро сделал две инъекции препарата в бедра, сначала здоровой, а затем другой. Жидкость онемела бы его мышцы настолько, что позволила бы ему пройти долгий путь, не чувствуя огня усталости в суставах. Он заплатил бы ей, он знал это, через восемь часов, когда кончится действие препарата, и вся усталость окажется внезапно с тысячей огненных клинков. Но это была цена, которую он был готов заплатить.

Дорога к морю была длинной и неудобной. Станция стояла на восточном выступе горного хребта, примерно в двухстах пятидесяти метрах над уровнем моря. В первые шесть лет люди станции достигли океана по дороге самоубийства, сделанной из полированных камней. Затем Барретт предложил выкопать тропу в скале, и за десять лет работы они ее выполнили. Теперь можно было спуститься к морю по лестнице из широких ступеней. Эта работа заставляла людей быть занятыми, и за все это время никто не сходил с ума. Барретт сожалел, что не может найти новую работу, чтобы все были заняты.

Ступени образовывали последовательность небольших платформ, спускающихся до уровня моря. Это был трудный путь даже для человека в полной форме. Для Барретта в его условиях это было проблемой. Ему потребовалось два часа, чтобы спуститься по лестнице, по которой обычно ходили за полчаса. Достигнув дна, он обессиленно поскользнулся на небольшом скале, залитом волнами, и уронил костыль. Пальцы левой руки болели от усилия сжать костыль, и все тело было залито потом.

Вода казалась серой и немного маслянистой. Баррет не мог объяснить себе отсутствие цветов в этом позднем Кембрийском мире. И он жаждал снова увидеть зелень растительности. Он чувствовал недостаток хлорофилла. Маленькие темные волны бились о камни и толкали туда-сюда плавающую массу черных водорослей. Море терялось на горизонте, и Барретт не имел ни малейшего представления, какие части Европы, если бы Европа

существовала, появлялись в то время над морскими водами.

В первые дни большая часть планеты была затоплена водами. Там, спустя всего несколько сотен миллионов лет, появились первые скалы. Вполне вероятно, что в других частях планеты, здесь и там, появились полосы земли. Гималаи, Скалистые горы, Анды уже родились? Он приблизительно знал очертания Северной Америки позднего кембрийского периода. Но все остальное было загадкой. Нелегко было восполнить пробелы, когда единственной связью с ними была среда, которая работала только в одном смысле. Станция располагала несколькими книгами, которые время от времени отправлялись, и раздражало отсутствие той информации, которую можно было найти в любом школьном геологическом тексте.

Пока он смотрел, из воды медленно вышел большой трилобит. Это был парень с шипастым хвостом. Он имел размеры около метра, с красной ракушкой в форме баклажана и рядом жестких жал по краю. Внизу, казалось, было бесконечное множество лап. Трилобит выполз на берег, ни пляжа, ни песка, только каменную плиту, и продвинулся на два-три метра от моря.

“Браво”, - подумал Барретт. “Может быть, вы первый, кто увидит, как устроена Земля. Пионер, который прокладывает путь.”

Затем он подумал, что храбрый трилобит также может быть предком всех земных существ будущих эпох. Биологическое противоречие, но разум Барретта составил изображение эволюционного процесса с рыбами, земноводными, рептилиями, млекопитающими и человеком, все связанные с гротескным существом, которое неуверенно двигалось недалеко от его ног.

“Что, если я наступлю на тебя?” думать.

Быстрое движение, грохот раковины, неистовое шевеление множества маленьких лап, и вся цепочка жизни разорвалась бы на первом звене. Не было бы эволюции. Ни одно земное существо никогда не родилось бы. Одно движение ноги, и все будущее изменилось бы. Не было бы ни станции, ни человеческой расы, ни Джеймса Эдварда Барретта. В мгновение ока он отомстит тем, кто обрек его на жизнь в то время и в этом месте, и освободится.

Он ничего не сделал. Трилобит закончил свой круг на скале и вернулся в море невредимым.

Голос Дона Латимера сказал: “Я видел тебя здесь, Джим. Не

возражаешь, если я останусь с тобой?».

Баррет удивленно обернулся. Латимер спустился так тихо, что он его не услышал. Он пришел в себя, улыбнулся и указал головой на соседний камень.

“Вы ловите рыбу?”- спросил Латимер.

“Я сижу. Старик загорает.»

«И ты проделал весь этот путь только для того, чтобы позагорать? Латимер расхохотался. “Вы отошли от всего и вся, и вы, вероятно, не хотели, чтобы я беспокоил вас.»

«Нет. Остановка. Как поживает твой товарищ по лачуге?»

«Это очень странно, - сказал Латимер. «Это одна из причин, по которой я пришел поговорить с вами.- Он наклонился вперед и посмотрел Барретту в глаза. “Скажи мне, Джим, ты думаешь, что я сумасшедший?»

“Зачем мне?»

“Для моих экспериментов. За мои попытки перейти в другую реальность. Я знаю, что ты человек с головой на плечах. Вы, наверное, думаете, что все мои глупости.»

«Если ты действительно хочешь знать грубую правду, да, - сказал Барретт. “Я не думаю, что ты что-то добьешься, Дон. Я думаю, что сидеть часами, напрягая свои экстрасенсорные способности, - это пустая трата времени и энергии. Но я не думаю, что ты сумасшедший. Я считаю, что вы имеете право на свою одержимость. Я был ясен?»

«Яснейший. Я не хочу просить вас верить моим исследованиям, но я не хочу, чтобы вы считали меня сумасшедшим из-за моих попыток. Важно, чтобы вы считали меня здоровым, иначе то, что я хочу рассказать вам о Хане, может не иметь значения.»

“Я не вижу связи.»

«И все же есть, - сказал Латимер. “Основываясь на знаниях одного вечера, я сформировал мнение Хана. Это такое мнение, которое возникает внезапно, и если вы думаете, что я сумасшедший…»

“Я не думаю, что ты сумасшедший. Какова ваша идея?»

“Что он шпионит за нами.»

Баррет подавился смехом, который сломал хрупкие нервы Латимера.

“Шпионить за нами?- сказал он обычным тоном. “Вы не можете серьезно думать о таком. Шпионить за нами невозможно. Я имею в виду, как он сообщает о том, что он узнает?

«Не знаю» - сказал Латимер. “Но прошлой ночью он задал мне миллион вопросов. На тебя, на Кесаду, на некоторых больных. Он хотел знать все.»

“Это нормальное любопытство новичка.»

“Джим, он сделал заметки. Я видел, как он писал, когда он думал, что я сплю. Он писал около двух часов в маленькой записной книжке, которая у него была.»

Баррет нахмурился.

“Может быть, он хочет написать роман о нас.»

- Я серьезно говорю, - сказал Латимер. “Вопросы … заметки. И он очень уклончив. Он пытается заставить вас рассказать что-то от его имени.»

“Я попытался. Но я мало что узнал.»

“Вы знаете, почему они отправили его сюда?»

«Нет.»

«Я тоже» - сказал Латимер. “Политические преступления, говорит он, но это очень расплывчато. Кажется, он почти не знает, каков политический адрес нынешнего правительства, и у него нет мнения по этому поводу. В нашем господине Хане я не чувствую никаких глубоких философских убеждений. И ты так же хорошо знаешь, как и я, что станция-это разгрузка всех самых ярых революционеров, агитаторов и подрывников, и что у нас никогда не было такого пленника, как он.»

«Я считаю, что Хан-загадка, - холодно сказал Барретт. “Но как он может шпионить за нами? Несмотря на то, что он правительственный агент, у него нет шансов отправить свои отчеты. Он отнесен сюда, на станцию, как и все мы.»

- Может быть, его послали охранять нас, чтобы убедиться, что не изучаются какие-то средства для побега. Может быть, это волонтер, который отказался от своей жизни в двадцать первом веке, чтобы прийти к нам и сорвать все, что замышляет. Возможно, они опасаются, что мы обнаружили машину для продвижения во времени. Или это стало опасностью для последовательностей линий-времени. Поэтому хан пришел среди нас, чтобы предотвратить опасности, пока не стало слишком поздно.»

Баррет услышал тревожный звонок: Латимер быстро впал в паранойю. В полдюжине предложений от рациональных рассуждений и некоторых обоснованных подозрений он перешел к страху, что те, кто наверху, захотят помешать его проекту побега.

Он старался сохранять спокойный тон.

“Я не думаю, что это дело беспокоиться, Дон. Хан странный, но он, конечно, не пришел, чтобы доставить нам неприятности. Те, кто наверху, уже доставили нам все возможные неприятности.»

“Вы все равно будете следить за ним?»

«Некоторый. И вы не стесняйтесь сообщить мне, если Хан делает что-то необычное. Вы в лучшем положении, чтобы заметить это.»

«Я буду осторожен, - сказал Латимер. «Мы не можем допустить, чтобы среди нас были шпионы.- Она встала и улыбнулась Баррету. “Я оставлю тебя в твоей солнечной ванне, Джим.»

Латимер пошел по тропинке. Баррет следил за ним взглядом, пока товарищ не оказался не чем иным, как небольшим пятном на темной скале. Через некоторое время Барретт взял костыль и встал. Он постоял еще мгновение, наблюдая за волнами, и погрузил кончик костыля в воду, чтобы спастись от пары существ, ползущих по скале. Наконец он развернулся и начал долгий, медленный подъем к станции.

6

Прошло несколько дней, прежде чем Барретт нашел возможность уединиться с Лью Ханом и обсудить политику. Экспедиция во внутреннее море ушла, и в некотором смысле это было плохо, потому что Чарли Нортон мог помочь ему пробить броню Хана. Нортон был самым талантливым теоретиком среди них, умелым в диалектике и способным копаться в любом. Если в Хане был кто-то, кто мог обнаружить марксистскую основу, то этим человеком был Нортон.

Но Нортон возглавлял экспедицию, и Барретт был вынужден сделать это сам. Его марксизм был несколько ржавым и недостаточным для обсуждения ленинизма, сталинизма, троцкизма, хрущевизма, маоизма и деренковского с мастерством Чарли Нортона. Но он знал, какие вопросы задавать.

Он выбрал дождливый вечер, когда Хан выглядел в отличном настроении. В тот вечер был час шоу, показ гениального фильма, который Сид Хатчетт уже представил неделей ранее. Те, кто был наверху, были настолько любезны, что прислали небольшой калькулятор, и Хатчетт запрограммировал своего рода анимацию линий с прогрессией теней в сером цвете. Простая вещь, но с приятным эффектом, подходящая для того, чтобы нарушить однообразие вечера.

После шоу, чувствуя, что Хан был достаточно расслаблен, чтобы немного опустить охрану, Барретт сказал: «Хатчетт уникален. Вы знали его до того, как приехали сюда?».

“Это тот, у кого заостренный нос и маленький подбородок?»

«Да. Парень в ногу. Он был лидером Континентального Фронта Освобождения до 19-го года, когда его взяли. Это тот, кто запрограммировал фальшивую передачу, в которой канцлер Дантелл осудил его режим. Помнишь?»

«Не похоже, - нахмурился Хан. “Когда это было?»

“Трансляция с 2018 года. Возможно, до того, как ты начал интересоваться политикой. Одиннадцать лет назад…»

«Мне тогда было всего девятнадцать, - сказал Хан. “Я не очень разбирался в политике.»

“Я думаю, слишком занят изучением экономики.»

Хан улыбнулся.

«Так и есть. Все погружено в науку.»

“И вы не слышали передачу. Хотя вы слышали об этом.»

“Может быть, но я не помню.»

«Это была самая колоссальная шутка века, - сказал Баррет, - а ты не помнишь! Конечно, вы знаете фронт Континентального освобождения.»

- Конечно, - сказал Хан неловко.

“С какой группой Вы были?»

“С теми, кто участвовал в крестовом походе народа за свободу.»

“Я не знаю. Это одна из новых групп?»

“Он возник около пяти лет назад. В Калифорнии.»

“Какая у него программа?»

«О, как обычно, - сказал Хан. “Свободные выборы, представители правительства, восстановление гражданских свобод.»

“А как насчет экономической ориентации? Марксист или один из уже искушенных?»

“Ничего подобного. Мы верим в какой-то … скажем, капитализм с определенными правительственными ограничениями.»

“Чуть правее социализма, а чуть левее “оставим все как есть”?”- предложил Барретт.

“Что-то вроде этого.»

“Но эта система уже была предпринята, и она провалилась. Не так ли? Он сделал свое время. Это неизбежно приводит к полному социализму, чтобы компенсировать траты профсоюзного капитализма, затем приходит правительство, которое говорит, что оно либерально, и подавляет все индивидуальные инициативы Во имя свободы. Ваша группа просто хочет вернуться к 1955 году. Мне это не кажется отличной идеей.»

Хан, казалось, скучал.

«Я не был частью идеологической группы.»

“Ты интересовался только экономикой?»

«Да. Я изучал планы перехода на нашу систему.»

“Основывая свою работу на модифицированном либерализме Рикардо?»

“Вот, да, в некотором смысле.»

“И избегая всех фашистских тенденций, присущих мысли Кейнса.»

«Можно так выразиться, - сказал Хан, потом встал и улыбнулся. “Послушай, Джим, я буду рад продолжить обсуждение в другой раз, но теперь мне нужно идти. Нед Альтман умолял меня помочь ему сделать танец молнии, чтобы оживить эту кучу пыли. Так что, если вы не возражаете…»

Хан поспешно отошел, не оборачиваясь.

Барретт был озадачен больше, чем раньше. Хан ничего не” обсуждал”. Он остался на грани простого разговора,позволив себе расспросы Барретта. И он сказал ряд бессмысленных вещей. Например, он не отличал Кейнса от Рикардо, и это было очень странно для того, кто исповедовал себя экономистом. Он не имел ни малейшего представления о позиции, которую заняла его партия, и у него было так мало политических знаний, что он игнорировал грубую насмешку, которую Хатчетт сыграл одиннадцатью годами ранее.

Это выглядело фальшиво, от макушки волос до кончиков пальцев ног.

Как могло случиться, что этот молодой человек заслужил ссылку на станцию? Туда отправляли только самых опасных. Отправить человека на станцию было все равно, что приговорить его к смерти, и этот приговор выносился нечасто. Барретт не мог себе представить, почему хан был среди них. Он, казалось, был искренне расстроен тем, что оказался в изгнании, и, конечно, оставил там жену. Но все остальное звучало фальшиво.

Что это был какой-то шпион, как намекал Латимер?

Барретт немедленно отказался от этой идеи. Он не хотел, чтобы взгляды Латимера овладели им. Правительство вряд ли отправит кого-то в поздний Кембрий, откуда не было возможности вернуться, просто чтобы шпионить за группой революционеров, которые больше никому не могли причинить вреда. Но что же тогда делал Хан в этом месте?

Нужно было следить за ним.

И Барретт продолжил наблюдение. Но у него также было много сотрудников. Латимер, Альтман и шесть или семь других. Латимер завербовал большинство психически больных в амбулатории, тех, кто все еще рассуждал на поверхности, но был полон страхов и доверчивости.

Все внимательно следили за новичком.

На пятый день после прибытия хан вышел на рыбалку с группой Рудигера. Барретт довольно долго стоял на вершине утеса, наблюдая, как маленькая лодка плывет по океанским волнам. Рудигер никогда не уходил так далеко от берега, не более восьмисот или тысячи метров, но воды в этом месте тоже были неспокойными. Там берег тянулся в море, и на расстоянии, на котором находилась лодка, воды были не очень глубокими. Рудигер провел обследование примерно в полутора километрах от берега и обнаружил, что глубина не превышает сорока метров. Никто никогда не преодолевал это расстояние.

Не то чтобы они боялись, уходя на восток, упасть с мира. Но полтора километра было много для маленькой лодки с импровизированными веслами, сделанными из дерева старых упаковочных ящиков. Там никто и не думал посылать изгнанникам небольшой подвесной мотор.

Когда он смотрел в сторону горизонта, Барретту пришла странная мысль. Они сказали ему, что место изгнания женщин находится очень далеко от них, в нескольких сотнях миллионов лет по линии времени. Но было ли это правдой? В том же году могла быть и другая станция, где-то еще. И они никогда бы не узнали. Лагерь женщин на другой стороне океана или, возможно, даже на другой стороне внутреннего моря.

Это было не очень вероятно, он прекрасно это знал. Имея в своем распоряжении целое прошлое, те, кто наверху, вряд ли рискуют, что две группы изгнанников встретятся и породят небольшое

племя подрывников. Однако Баррет подумал, что, возможно, он сможет убедить других. С некоторыми усилиями ему удалось бы заставить поверить, что другие станции существовали на том же уровне времени.

Это может быть спасение, подумал он.

Дегенеративные психозы начали увеличиваться ускоренными темпами. Слишком много мужчин были там слишком долго. Первый крах в мире, где люди никогда не должны были жить, неизбежно спровоцировал других. Мужчинам нужно было что-то, что их занимало, поэтому многие посвятили себя абсурдным проектам, таким как чудовищная скульптура Альтмана и эксперименты Латимера.

“Предположим, - подумал Барретт, - что я уговариваю их добраться до другого континента, совершить кругосветную экспедицию. Может быть, они собираются построить огромный корпус. И это будет держать их занятыми довольно долго. Им также понадобятся навигационные приборы, компасы, секстанты, хронометры. Кто-то может даже подумать о создании самодельного радио. Это был проект, о котором следовало подумать тридцать или сорок лет назад. Огонь, чтобы подпитывать нашу энергию”, - подумал Барретт. Он не дожил бы до того, чтобы увидеть, как корабль плывет, этот проект спасет их от краха. “Мы выкопали лестницу к морю, теперь нам нужно сделать что-то большее.”

Он был в восторге от этой идеи. Долгое время Баррет беспокоился о работе станции и пытался найти решение. Теперь, возможно, он ее нашел.

Обернувшись, он увидел Латимера и Альтмана, стоявших за его спиной.

“Неужели вы здесь?» спросить.

- Две минуты» - сказал Латимер. “Мы принесли вам то, что вам нужно увидеть.- Одобрительно кивнул Альтман.

“Мы привели вас читать. Вы должны прочитать это.»

“Что это?»

“Я нашел его под матрасом Хана после того, как он вышел с Рудигером. Я знаю, что я не должен рыться в его вещах, но мне

нужно было взглянуть на то, что он написал. Вот. Он просто шпион.»

Баррет посмотрел на лист бумаги.

“Я читаю это позже. Что он говорит?»

«Это описание этого места и профиль почти всех нас, - сказал Латимер, затем холодно улыбнулся. “Хан думает, что я сумасшедший. Мнение, которое он имеет о вас, более лестно, но не очень.»

Альтман сказал:»он тоже ходил вокруг молота”.

“Что?»

“Я видел это Этой ночью. Он проник в зал, и я последовал за ним. Он смотрел на Молот.»

“Почему ты не сказал мне сразу?”- закричал Барретт.

«Я не был уверен, что это важно, - сказал Альтман. “Я хотел сначала услышать мнение Дона. И я не смог увидеть его до отъезда Хана.»

Капли пота стекали по лицу Барретта.

- Послушай, Нед, если ты еще раз увидишь хана возле машины времени, то я поспешу, не посоветовавшись ни с Доном, ни с кем другим. Ясно?»

- Ясно, - сказал Альтман. “Вы знаете, что я думаю? Те, кто наверху, решили уничтожить нас. Хан-доброволец-самоубийца, который пришел на осмотр. Затем они отправят бомбу через Молот и уничтожат станцию. Мы должны уничтожить Молот и наковальню, пока мы успеем.»

“Но зачем им посылать добровольца-самоубийцу?”- заметил Латимер. “Если у них нет средств, чтобы спасти своего шпиона…»

«В этом случае мы не должны колебаться, - сказал Альтман. “Давайте сломаем молоток. Мы делаем саботаж невозможным.»

“Это может быть хорошей идеей. Но…»

- Заткнитесь, вы двое, - отрезал Барретт « - и позвольте мне прочитать это.- Он отошел на несколько шагов, сел на камень и

начал читать.

7

У хана был тонкий почерк, и он мог сосредоточить максимум информации в очень небольшом пространстве, как будто считал смертным грехом расточительность бумаги. Очень справедливая вещь. Для них бумага была роскошью, и Хан, должно быть, принес эту бумагу оттуда. Однако письмо было очень ясным. И его мнения тоже. Жалко ясно.

Он наметил анализ состояния станции, описав примерно в пяти тысячах слов все, что пошло не так. И он точно каталогизировал людей как старых революционеров, чей прежний пыл стал прогорклым. Он перечислил тех, кто был определенно сумасшедшим, тех, кто был на грани безумия, и тех, кто мог сопротивляться, таких как Кесада, Нортон и Рудигер. Но хан считал, что эти трое тоже страдают от чрезмерного напряжения и готовы в любую минуту рухнуть. Для него Кесада, Нортон и Рудигер были так же здоровы, как и когда он видел, как они спускались по наковальне, но это, возможно, было связано с искаженным эффектом его запутанного восприятия. Для тех, кто пришел извне, таких как Хан, точка зрения была другой, и, возможно, более точной.

Барретт старался не пропустить то, что молодой человек написал о нем.

И то, что он прочитал, ему не понравилось.

“Барретт, - писал Хан, - похож на толстый руль, загрызенный внутри термитами. Звучит солидно, но удар может сломать его. Недавняя травма ноги, должно быть, оказала на него очень плохие последствия. Другие говорят, что он был очень силен, и что он обязан всем своим авторитетом своей массе и силе. Теперь он может ходить с трудом. Однако я чувствую, что его опасения связаны скорее с ходом станции, чем с его немощью. Он был отрезан от человеческих контактов слишком долго. Выполнение команды дало ему некоторую иллюзию стабильности, но это бесплодная команда, и внутри него, возможно, были разрывы, которые он сам игнорирует. Ему срочно нужна терапия.”

Барретт прочитал эти строки несколько раз.

“РОСО внутри термитов… удар может сломать его… внутри него, может быть, были разрывы… срочно нужна терапия…”

Он чувствовал меньше гнева, чем думал. Хан имел полное право иметь собственное мнение. В конце концов Барретт перестал читать то, что Хан написал о нем, и перешел на последнюю страницу. “Поэтому я рекомендую немедленное закрытие станции и, где это возможно, терапевтическую реабилитацию ее обитателей.”

Какого черта он имел в виду?

Это было похоже на отчет помощника по условно-досрочному освобождению. Но для тех, кто был на станции, не было никакой условной свободы. Приговор был окончательным. Очевидно, Хан сделал отчет, который должен быть отправлен правительству там. Но стена, насчитывающая два миллиарда лет, препятствовала пересылке. Таким образом, Хан страдал от тех же разочарований, что и Альтман, Вальдосто и другие. В своем больном уме он подумал, что может отправить правительству документ, в котором он описал состояние своих товарищей по заключению.

Это вызывало ужасное подозрение: Хан был сумасшедшим, но, поскольку он не был на станции достаточно времени, чтобы стать им, он, должно быть, уже болел на старте.

Что бы произошло, если бы они перестали использовать станцию в качестве ссылки политических заключенных,чтобы использовать ее в качестве убежища для психически больных?

На них обрушился бы каскад сумасшедших. Мужчины, потерявшие рассудок во время заключения, должны были жить с нормальными психопатами. Баррет вздрогнул. Он сложил листок и передал его Латимеру, который наблюдал за ним, сидевшим неподалеку.

“Что вы думаете?”- спросил Латимер.

«Очень трудно судить, - сказал Барретт. “Скорее всего, наш друг Хан расстроен. Верни этот листок туда, где ты его нашел, Дон. И не заставляйте Хана понять, что вы его читали и видели.»

“Хорошо.»

«И расскажи мне все, что ты узнаешь о нем, - вмешался Барретт. “Он может быть очень болен. И ему может понадобиться вся помощь, которую мы можем ему оказать.»

Рыбаки вернулись рано утром. Корабль был заряжен, и Хан

прибыл на базу с охапкой трилобитов. Лицо у него было обожженное солнцем, и он выглядел довольным днем, проведенным на море. Барретт подошел к ним, чтобы посмотреть, что они взяли. Рудигер ликовал и показывал всем красного ракообразного, который мог быть прапрадедом вареного Омара, за исключением того, что у него не было передних щипцов, и у него было три длинных иглы вместо хвоста. Она была около шестидесяти сантиметров в длину.

“Новый вид!- воскликнул Рудигер. “Такого животного нет ни в одном музее. Я хотел бы, чтобы я мог поместить его в место, где кто-то найдет его. Может быть, на вершине горы.»

«Если бы его можно было найти, его бы уже нашли, - напомнил ему Барретт. “Палеонтологи двадцатого века наверняка имели бы это. Так что забудь об этом, Мел.»

«Я кое-что задумал, - сказал Хан. “Почему никто наверху не обнаружил каких-либо окаменелостей станции?»

«Через два миллиарда лет, - с грустью сказал Рудигер, - эта полоса скалы окажется на дне Атлантики, покрытой парой километров осадка. Нет опасности, что кто-то когда-либо найдет это. Никто оттуда не увидит того, что я ловил сегодня. Не то чтобы мне было все равно. Я видел его. Хуже для них.»

«Но ты сожалеешь о том, что наука никогда не узнает об этом виде, - сказал Хан.

«Некоторый. Но это моя вина? Наука знает этот вид. Я-наука. Я возглавляю группу палеонтологов этой эпохи. Какая у меня вина, что я не могу опубликовать свои выводы в специализированном журнале?- Он пожал плечами и ушел со своим большим красным ракообразным.

Хан и Баррет посмотрели друг на друга. И они улыбнулись друг другу, чтобы прокомментировать вспышку Рудигера. Затем улыбка Барретта внезапно исчезла.

“Термиты … толчок … терапия”

“Что-то не так?”- спросил Хан.

“Почему?»

“Внезапно вы изменили свое выражение.»

«У меня была боль в ноге, - сказал Барретт. “Это случается время от времени. Давай, я помогу тебе нести то, что ты поймал. Сегодня вечером за ужином мы приготовим коктейль из трилобитов.»

8

Незадолго до полуночи Барретт был разбужен шумом шагов за пределами своей хижины. Когда он встал, ощупывая стену в поисках выключателя, Нат Альтман ворвался в дверь. Баррет сонно посмотрел на него.

“Что происходит?»

- Хан, - ахнул Альтман. “Он вернулся в зал Молота. Я видел, как он вошел недавно.»

Барретт дернулся от сна, как тюлень из воды. Не обращая внимания на настойчивую боль в ноге, он поднялся с кровати и оделся. Он был гораздо более обеспокоен, чем хотел доказать. Если бы Хан, кружа вокруг машины времени, невольно сломал ее, они не могли бы получить запасные части оттуда, а это означало, что все запасы будущего, если бы они были, могли закончиться в любой год прошлого и в любой точке мира. Кстати, что делал Хан возле машины?

- Латимер наблюдает за ним, - сказал Альтман. “У него начались подозрения, когда я не видел, как он вернулся в хижину. Он пришел, чтобы позвонить мне, чтобы найти его. И мы обнаружили, что он кружил вокруг молота.»

“Что он делал?»

«Там. Как только мы его увидели, я пришел позвонить тебе. Дон остался наблюдать за ним.»

Барретт вышел из хижины и поспешно, насколько позволяли его условия, направился к главному зданию. Боль обжигала всю его нижнюю часть тела, словно это была едкая кислота. Костыль болезненно прижимался к левой подмышке так часто, как он упирался в нее весом тела. Больная нога покачивалась в пустоте, и каждое движение давало ему невыносимые муки. Правая нога, выдержавшая всю усталость, хрустнула в суставах. Альтман продолжал бежать рядом с ним. В этот час ночи на станции было совершенно тихо.

Когда они проходили мимо хижины Кесады, Баррет на мгновение подумал, что стоит зайти и позвонить ему. Потом отпустил. Какой бы бедой ни был хан, он мог справиться с этим сам. У

старого тарлатого руля все еще была какая-то энергия.

Латимер, стоявший перед входом в главный купол, был в панике. Она дрожала так, как Баррет никогда не видел, чтобы кто-то дрожал.

Он с силой поднял руку на плечо Латимера и сухо спросил::

“Где Хан?»

“Он … исчез.»

“Что это значит? Куда он делся?»

Латимер издал стон.

- Он забрался на наковальню, - пробормотал он. “Затем загорелся свет … молния. И Хан исчез!»

«Это невозможно, - сказал Барретт. “Вы ошибаетесь.»

“Я видел, как он исчез, я говорю вам.»

- Должно быть, он спрятался в каком-то углу купола, - сказал Барретт. “Может быть, у двери. Иди ищи его.»

- Вероятно, он действительно исчез, Джим, - сказал Альтман. “Если Дон говорит, что видел, как он исчез…»

“Он поднялся на наковальню. Потом все покраснело, и его уже не было.»

Баррет сжал кулаки. Гнев заставил его забыть о боли. Он совершил большую ошибку: он доверил наблюдение за Ханом двум совершенно безумным мужчинам. Ценность командира определяется выбором его офицеров. Он полагался на Альтмана и Латимера, и теперь эти двое давали ему такую информацию,которую можно ожидать от пары ненормальных.

«У вас были галлюцинации, - сухо сказал он Латимеру. “Нед, иди разбуди Кесаду и заставь его немедленно прийти сюда. - Ты, Дон, стой у двери, а если увидишь Хана, то кричи, как тяжело тебе в горле. Я пойду за ним.»

- Подожди, - сказал Латимер. Казалось, он восстановил контроль над собой.

“Джим, помнишь, я спросил тебя, думаешь ли ты, что я сумасшедший? Ты ответил ” Нет ” и проявил ко мне доверие. Ну продолжай доверять. Уверяю вас, у меня не было галлюцинаций. Я видел, как Хан исчез. Я не могу объяснить вам это явление, но я достаточно ясен, чтобы знать, что я видел.»

- Хорошо, - сказал Баррет более спокойным тоном. “Может быть, вы правы. В любом случае, оставайтесь у двери. Я проведу быстрый осмотр.»

Начался круг купола, начиная с зала Молота. Там все было в порядке. Казалось, ничего не трогали. Шкафов или шкафов, в которых можно было спрятаться, не было. Внимательно осмотрев все вокруг, Барретт возобновил осмотр и заглянул в лазарет, столовую, кухню и конференц-зал. Никаких следов Хана. В этих залах было очень много мест, где хан мог спрятаться, но Баррет сомневался,что молодой человек там. Должно быть, все это было плодом больной фантазии Латимера. Закончив круг, он очутился у входной двери. Латимер все еще стоял на пороге. Рядом с ним стояла Кесада. Альтман, бледный и дрожащий, находился недалеко, за куполом.

“Что происходит?”- спросил Кесада.

«Не знаю» - сказал Барретт. Дон и Нед утверждают, что видели, как Лью Хан возился с машиной времени. Я обошел купол и не нашел его, так что вы, должно быть, ошибаетесь. Советую отвезти их в лазарет и дать им успокоительное. Потом мы все уйдем спать.»

- Я говорю, что видел… - начал Латимер.

“Тише!”- воскликнул Альтман. “Слушайте! Что это за шум?»

Барретт прислушался. Звук был громким и ясным-шипение ионизации. Шум, производимый полем ястребов. Внезапно у нее появились мурашки по коже.

- Лагерь загорелся, - сказал он низким голосом. “Возможно, они отправят нам припасы.»

“В этот час?”- заметил Латимер.

«Мы не знаем, что сейчас там. Вы останетесь там, где находитесь. Я пойду проверю молоток.»

«Может быть, мне лучше пойти с тобой, - предложил Кесада.

“Оставайся здесь!”- закричал Барретт. Затем он сделал паузу, смущенный внезапным взрывом гнева. “Достаточно одного из нас. Я скоро вернусь.»

Не дожидаясь больше, он пересек вестибюль, направляясь к залу Молота. Он вошел и закрыл за собой дверь. Не нужно было включать свет. Красное свечение поля ястребов достаточно освещало зал.

Барретт остановился у двери. Он едва дышал и не сводил глаз с молотка, наблюдая, как свет проходит через все градации красного, а затем расширяется, пока не обернется вокруг наковальни внизу.

Затем раздался взрыв, и Лью Хан появился из ниоткуда. На мгновение он лежал на наковальне, чтобы оправиться от травмы путешествия во времени.

В темноте молодой человек не заметил присутствия Барретта. Через несколько секунд он двинулся к краю наковальни, сел, свесив ноги. Она сделала шаги, чтобы наладить кровообращение, затем сделала серию глубоких вдохов. Наконец он спрыгнул вниз. Свечение поля погасло в момент его прибытия, и Хан начал осторожно продвигаться вперед, почти боясь что-то наткнуться.

Внезапно Барретт включил свет и спросил: «Что ты делал, Хан?».

Юноша вздрогнул, тяжело вздохнул и поднял руки в защитном жесте.

«Отвечай.»

Хан восстановил контроль. Он бросил быстрый взгляд через плечо Барретта в сторону вестибюля и сказал: «Отпусти меня. Сейчас я не могу дать вам объяснений”»

“Тебе лучше поговорить.»

«Все будет проще, если я тебе ничего не скажу, - возразил Хан. “Позволь мне пройти.»

Барретт продолжал блокировать дверь.

“Я хочу знать, где ты был. Что ты делал с молотком?»

«Ничто. Я просто изучал это.»

“Минуту назад тебя не было в этом зале. Потом появился…откуда ты, Хан?»

“Вы ошибаетесь. Я стоял за машиной. Я не…»

“Я видел, как ты упал на наковальню. Вы отправились в путешествие во времени, не так ли?»

«Нет.»

“Не ври! Ты ведь умеешь путешествовать во времени? Вы пришли шпионить за нами, затем вернулись, чтобы передать отчет, и теперь вы снова здесь.»

Лоб Хана покрылся потом.

- Не задавай мне вопросов, - сказал он. “Вы будете знать все в нужное время. Теперь, пожалуйста, позволь мне пройти.»

«Сначала я хочу получить ответ, - сказал Барретт. Она дрожала, потому что уже знала ответ. Ответ, который потряс бы его глубоко, потому что он знал, куда ушел Хан.

Хан ничего не сказал. Он сделал несколько шагов, колеблясь, но Баррет не двинулся с места. Молодой человек остановился, ожидая момента, чтобы вскочить к двери.

«Ты не выйдешь отсюда, пока не расскажешь мне то, что я хочу знать, - сказал Барретт.

Хан сделал еще один шаг.

Барретт встал перед дверью, ухватившись за косяк, здоровой ногой посадил на пол, и стал ждать, пока юноша приблизится к нему. Он был намного дороднее Хана, и это могло уравновесить его на тридцать лет старше и на ногу меньше. Они стояли лицом друг к другу, и Барретт поднял руки, чтобы схватить Хана за плечи и заставить его остаться в зале.

Хан сделал полшага назад. Затем он посмотрел на Барретта, не сказав ни слова,и снова нажал.

- Нет… - хмыкнул Баррет. “Я не оставлю тебя…»

“Прости, Барретт. Я не хотел бы этого делать… - сказал Хан и

толкнул.

Баррет почувствовал, что колеблется. Он изо всех сил сжал плечи Хана и попытался оттолкнуть его назад. Но другой не поддался, и вся энергия Барретта была сосредоточена на проблеме сохранения равновесия. Костыль выскользнул у него из-под подмышки, и на какое-то страшное мгновение вся тяжесть тела легла на немую ногу, затем, словно ноги таяли, Баррет сполз на землю. Он с грохотом рухнул на пол.

Кесада, Альтман и Латимер прибежали. Баррет скорбно корчился, и Хан смотрел на него с скорбным выражением лица.

- Прости, - сказал он « - ты не должен был пытаться бороться со мной.»

Барретт окинул его взглядом. “Вы отправились в путешествие во времени, не так ли? Теперь ты должен мне ответить!»

«Да» - наконец сказал Хан. “Я пошел туда, как вы говорите.»

Час спустя, после того, как Кесада ввел ему достаточное количество антиневралгического средства, Барретт узнал всю историю. Хан не хотел говорить так скоро, но их столкновение заставило его передумать.

Все было очень просто. Теперь путешествия во времени работали в двух направлениях. Вся болтовня о энтропии оказалась просто безосновательной болтовней.

“Как долго вы это знаете?”- спросил Барретт.

“Около пяти лет. Но мы не знали точно, где находятся станции. Изучив все документы старого правительства…»

“Из старого правительства?»

Хан утвердительно кивнул. Затем медленно сказал::

“Революция вспыхнула в январе. Сейчас существует чрезвычайное демократическое правительство. Не просите меня об этом говорить. Я не специалист по политике. И даже не экономист.»

“Что ты?»

- Полицейский, - сказал Хан. “Я являюсь частью комиссии, которая проводит расследование тюремной системы старого

правительства. Включая эту тюрьму.»

Баррет посмотрел на Кесаду, потом на Хана. У него был мозг в смятении. Он был вынужден набраться сил, чтобы не позволить себе победить эмоции.

- Ты пришел изучать станцию, - сказал он дрожащим голосом. “И этой ночью вы вернулись туда, чтобы сообщить о том, что видели. Вы считаете нас жалкой группой человеческих обломков, не так ли?»

«Вы жили в невыносимых условиях, - сказал Хан. “Подумайте об обстоятельствах, которые привели вас в изгнание…»

Кесада прервал его.

“Если есть новое правительство, и стало возможным путешествовать во времени в двух направлениях, могу ли я предположить, что пленники станций будут отправлены туда?»

«Конечно. Это будет сделано как можно скорее. Это истинная цель моей миссии. Сначала мне нужно было выяснить, живы ли вы, а затем посмотреть, в каком состоянии вы находитесь и какие медицинские процедуры вам нужны. Вы будете наслаждаться всеми новообретенными Moderna Therapy.»

Барретт почти не слышал последних слов Хана. Всю ночь он боялся чего-то подобного, с того момента, как Альтман сказал ему, что видел, как Хан шарит вокруг молотка. Но он не хотел убеждать себя, что это действительно возможно.

Теперь он видел, как рухнуло его королевство.

Он увидел себя возвращающимся в мир, который, возможно, больше не смог бы понять.

И он увидел себя покинувшим место, которое стало его родиной.

- Некоторые не выдержат травмы свободы, - сказал он усталым голосом. “Заставить их вернуться в реальный мир было бы равносильно их убийству. Я говорю о самых тяжелых психически больных, о Вальдосто и других.»

- Да, - сказал Хан. “Я тоже говорил об этом в своем отчете.»

“Нужно будет постепенно подготовить их к переходу. Им могут

потребоваться годы, чтобы приспособить их к идее. Может быть, даже много лет.»

«Я не врач, - сказал Хан. “То, что врачи скажут, будет сделано. Возможно, даже придется держать их здесь. Я прекрасно понимаю опасность заставить их вернуться туда, после того как они так долго верили, что возвращения не существует.»

«Была еще одна важная вещь, - сказал Барретт. “Здесь многое происходит. Научная, исследовательская работа … не думаю, что стоит закрывать станцию.»

“Никто никогда не говорил, что она будет закрыта. У нас есть все намерения сохранить ее в рабочем состоянии. Но не как тюрьма.»

- Хорошо, - сказал Барретт. Он взял костыль и встал. Кесада шагнул вперед, чтобы помочь ему, но Барретт жестом отказался. - Выходим, - сказал он.

Изошли. Серый туман накрыл станцию, и начался дождь. Баррет посмотрел на простор лачуг. И океан, мелькавший на Востоке под бледным светом луны. Он подумал о Чарли Нортоне и группе, отправляющейся в ежегодную экспедицию. По возвращении, через несколько недель, они были бы очень удивлены, узнав, что они могут вернуться домой.

Она вдруг почувствовала странное давление на веки, как будто слезы пытались вырваться наружу.

Там, с вершины холма, он медленно перевел взгляд на свое королевство.

Затем он повернулся к хану и Кесаде.

“Вы поняли, что я пытался вам сказать?- спросил он низким голосом. “Кто-то должен остаться здесь, чтобы заботиться о тех, кто не может выдержать травму немедленного возвращения. Кто-то должен держать базу в рабочем состоянии. И кто-то должен присутствовать, когда прибудут другие, ученые.»

- Конечно, - сказал Хан.

“Тот, кто должен остаться… это должен быть кто-то, кто очень хорошо знает станцию, кто-то еще достаточно здоров, чтобы иметь возможность немедленно вернуться, но кто предпочитает принести жертву остаться. Вы следуете за мной? Я говорю о

добровольце.»

Они улыбнулись ему. И Баррет подумал, не улыбка ли это снисходительности. Затем он подумал,не слишком ли много оказалось. Но они оба пошли к черту. Он вдохнул глубокий глоток Кембрийского воздуха.

«Я предлагаю остаться, - сказал он вслух и посмотрел на них, почти не решаясь возразить. Но он знал, что никто не посмеет ничего сказать. Он был королем там, на станции. И он намеревался остаться. - Я буду волонтером, - сказал он. “Я буду тем, кто останется.»

И с вершины холма он вернулся, чтобы посмотреть на свое королевство.